
ДИСКУССИИ И ДИСКУРСЫ
DISCUSSIONS AND DISCOURSES

Понятия «орудие», «психологическое орудие», «знак» и их соотношение

В.Н. Павленко

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина (ХНУ имени В.Н. Каразина),
г. Харьков, Украина

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4947-3995>, e-mail: vnp49@ukr.net

Статья посвящена рассмотрению ряда важнейших для культурно-исторической психологии понятий — «орудие», «психологическое орудие», «знак» — и их соотношения, как в прошлом, так и у современных исследователей. Проанализированы разные подходы к трактовке понятия «орудие» и предложен вариант его переосмысления. Отмечен переход Л.С. Выготского от понятия «психологическое орудие» к понятию «знак» и некоторые важные в контексте статьи особенности понимания им этого термина. Проведен сравнительный анализ орудий и знаков в их наиболее простых, исторически исходных формах. Предлагается видеть их главное отличие в том, что функцией орудий является замещение человека как участника коллективной деятельности в разных конкретных ее операциях, в то время как функцией знаков является замещение человека только в одной его ипостаси — как регулятора социального взаимодействия в совместной деятельности. Такое понимание согласуется с идеей о социальной природе знаков и представлением о возможности на этой основе формирования саморегуляции.

Ключевые слова: орудие, психологическое орудие, знак, опосредствование, культурно-историческая психология.

Для цитаты: Павленко В.Н. Понятия «орудие», «психологическое орудие», «знак» и их соотношение // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 1. С. 122–131. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160112>

The Concepts of “Tool”, “Psychological Tool”, “Sign” and Their Relationship

V.N. Pavlenko

V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4947-3995>, e-mail: vnp49@ukr.net

The article focuses on a number of key concepts for cultural-historical psychology — ‘tool’, ‘psychological tool’, ‘sign’ — and their relationship, both in the past and modern researches. It analyses different approaches to the interpretation of the concept of ‘tool’ and proposes an alternative version of its understanding. Notably, L.S. Vygotsky moved away from the concept of ‘psychological tool’ to the concept of ‘sign’, and this transition is discussed in terms of Vygotsky’s understanding of the latter. The paper presents a comparative analysis of tools and signs in their plain, historically original forms. It is suggested that the main difference between tools and signs is that the function of tools is to replace the individual as a participant of collective activity in its various specific operations, while the function of signs is to replace the individual in just one aspect — in the regulation of social interaction in joint activities. Such understanding is consistent with the idea of the social nature of signs as well as with the idea of the possibility of forming self-regulation on this basis.

Keywords: tool, psychological tool, sign, mediation, cultural-historical psychology.

For citation: Pavlenko V.N. The Concepts of “Tool”, “Psychological Tool”, “Sign” and Their Relationship. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2020. Vol. 16, no. 1, pp. 122–131. (In Russ., abstr. in Engl.). DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160112>

На протяжении десятилетий ученые из разных стран обращались и продолжают обращаться к наследию Льва Семеновича Выготского. Его теоретические разработки, исследования, которые он провел, и вопросы, которые поставил, продолжают волновать исследователей. Большинство его идей выдержали испытание временем и звучат по-прежнему актуально и современно. Но отдельные представления с учетом более поздних исследований должны быть уточнены. К последним относятся вынесенные в заголовки статьи понятия и проблема их соотношения.

Переосмысление понятия «орудия труда»

Одним из базовых понятий в категориальном аппарате Л.С. Выготского было понятие «орудие» или «техническое орудие», в терминологии исследователя. Неслучайно он выносил его в название работ, например — «Орудие и знак в развитии ребенка» [7], или именно с него начинал анализ темы [4; 8]. Это понятие рассматривалось Л.С. Выготским в разных контекстах и один из них — поиск качественного отличия поведения и психики животных от поведения и психики человека.

Анализируя опыты В. Келера, Л.С. Выготский пытался разобраться в том, чем отличается употребление орудий у животных и человека. Так, исследователь отмечал, что у обезьян употребление орудий не играет столь важной роли в процессе их жизнедеятельности, как у человека: «... даже у обезьян, на этой высшей точке развития употребления орудий в животном мире, орудия... не играют еще решительной роли в борьбе за существование» [6, с. 60]. Дальнейший анализ привел исследователя к такому итоговому выводу: «*Употребление орудий, при отсутствии труда* — вот что сближает и разделяет одновременно поведение обезьяны и человека» [8, с. 59].

Таким образом, по логике исследователя, употребление орудий у человека и обезьяны идентично, разница только в наличии «труда». Но что такое «труд» в понимании Л.С. Выготского? Опираясь на соответствующие положения Ф. Энгельса, исследователь делает акцент на идее власти над природой у человека как оппозиции «пассивному приспособлению» к ней у животных: «... обезьяну отделяет от человека отсутствие труда и связанного с ним господства над природой. Процесс приспособления ее характеризуется еще в общем как использование внешней природы и пассивное приспособление к ней» [8, с. 63].

В контексте данной статьи важно понимание Л.С. Выготским того, что является сущностью труда и какой смысл вкладывается в понятие «орудия труда». В этом плане исследователь следует за классиками трудовой теории антропогенеза, цитируя и поддерживая известные положения К. Маркса: «Сущность процесса труда Маркс видит в том, что “предмет, данный

самой природой, становится органом его деятельности (человека), который он присоединяет к органам своего тела, удлиняя, вопреки Библии, естественные размеры последнего”. Поэтому развитие человека с момента перехода его к труду, как к основной форме приспособления, заключается уже в истории усовершенствования его искусственных органов и движется “вопреки Библии”, т. е. не по линии совершенствования естественных органов, а по линии усовершенствования искусственных орудий» [8, с. 63].

Однако Л.С. Выготский отходит от широко распространенного в то время понимания орудийности как основного критерия, отличающего человека от представителей животного мира, и предлагает свое решение данной проблемы. Для него в качестве такого критерия выступает наличие психологических орудий — знаков, которые, преобразуя все психические процессы человека, дают ему возможность овладеть процессом собственного поведения: «... у обезьяны мы находим зародыш трудовой деятельности, необходимую предпосылку для ее начала в виде развития руки и интеллекта, которые вместе приводят к употреблению орудий, но мы не можем еще констатировать у нее предпосылки к овладению собой, употребления хотя бы примитивнейших знаков. Это последнее появляется только в исторический период развития человеческого поведения и составляет главное содержание всей истории его культурного развития» [8, с. 64].

«Четкую психологическую грань между человеком и животными» [9, с. 37], между орудиями первых и «вспомогательными средствами» последних попытался провести в своей кандидатской работе П.Я. Гальперин. Она так и называлась — «Психологическое различие орудий человека и вспомогательных средств у животных и его значение» [9]. Исследователь отмечал и анализировал целый ряд дифференцирующих признаков — заготавливаются или не заготавливаются опосредующие деятельность средства впрок, имеют ли они постоянное рабочее назначение, закреплена ли функция в их форме, связаны ли они с системой общественного производства и т. п. Тем не менее, главное отличие орудий человека от квазиорудий животных П.Я. Гальперин видел в том, как они используются — в соответствии с логикой «орудийных» или «ручных» операций: «Когда рука берется за орудие... происходит следующее: или рука включается в систему орудийных операций, или орудие включается в систему операций руки. В первом случае рука подчиняется требованиям орудийных приемов и отказывается от своих... перед нами возникает орудие как новая действительность, встающая между человеком и природой, орудие во всем историческом и психологическом своем значении... Во втором случае орудие теряет свою специфическую логику, им действуют так, как действуют самой рукой — оно становится простым удлинением руки» [9, с. 42–43].

Таким образом, в отличие от Л.С. Выготского, видевшего основное отличие между человеком и животным в употреблении знаков, П.Я. Гальперин возвращается к анализу собственно «технических орудий» и способов их использования. В этом смысле совершенно справедливо замечание Б.И. Беспалова о том, что Л.С. Выготский работал в рамках биполярного теоретического конструкта «орудие—знак», а П.Я. Гальперин в рамках оппозиции «подлинное орудие—вспомогательное средство» [1]. В отличие от К. Маркса, П.Я. Гальперин перестает видеть в «простом удлинении руки» нечто специфически человеческое. Вместо этого специфику человеческой орудийной деятельности он предлагает видеть в «орудийной операции», которая «... представляет собой категорию объективную по отношению к субъекту. Она образец, которым субъект должен овладеть и которым он овладевает только постепенно» [9, с. 52]. В качестве примера подлинно человеческого орудия П.Я. Гальперин приводит ложку: «Простая “орудийная логика” ложки... требует, чтобы наполненная ложка, все время находясь в горизонтальном положении, была сначала поднята вертикально до уровня рта и только после этого по прямой направлена в рот. Эта простая логика не выступает перед ребенком. Ложка в его руке — еще не орудие, а средство, вынужденное замещение руки и, как таковое, плохое замещение. Лишь после довольно длительного обучения ребенок усваивает основные орудийные приемы пользования ложкой» [9, с. 45]. Попробуем разобраться с этим примером. Действительно, ложка не является «удлинителем» руки, но ведь она «совершенствует» другую ее характеристику — не длину, а емкость. Для зачерпывания жидкости или пищи удобнее пользоваться не горстью, а ложкой. Однако есть ли в таком «усовершенствовании» руки нечто принципиально отличное от ее «удлинения» с помощью палки?

Вопрос о том, как квалифицируется некий предмет — как орудие или как вспомогательное средство — решается, по П.Я. Гальперину, с помощью анализа того, как используется данная вещь — общественно закрепленным за ней способом или нет: «Орудие может иногда применяться как неспецифическое средство; так, например, я пользуюсь молотком в качестве тяжести, которой придавливаю листки бумаги, чтобы их не разнес ветер. С другой стороны, природная вещь может быть использована как орудие и становится настоящим орудием в том случае, например, когда мы превращаем в молоток придорожный камень, чтобы заколотить выскользивший из телеги гвоздь» [9, с. 44].

Пример орудия опять-таки довольно спорный. Выше уже отмечалось, что П.Я. Гальперин отказывал в «орудийности» тем средствам, которые являются «простым удлинением руки», но почему он обращал внимание, как и его предшественники, только на одну характеристику руки? Разве это единственно возможный способ ее «усовершенствования»? Если предположить, что с помощью вспомогательного средства можно не только «удлинять» руку, но и, например, ее «утяжелять», то пример, который приво-

дит исследователь как пример орудийной операции (использование придорожного камня в качестве молотка), начинает вызывать сомнения, тем более, что хорошо известно, что некоторые виды животных широко используют камни для разбивания яиц, раскалывания орехов и похожих операций, где как раз и важна тяжесть вспомогательного средства.

Давно уже стало понятным, что орудийная деятельность, как она понималась в классической теории антропогенеза, не может выступать критерием отличия человека от животных. Орудия, которые ассоциировались у создателей данной теории со специфически человеческими, на самом деле были «природными» орудиями, по Б.Ф. Поршневу [15], орудиями низшего уровня, существующими и у животных. Особенностью таких орудий являлось то, что их функцией было «совершенствование» естественных органов: они «удлиняли» руки (палки, копыта), «усиливали» или «утяжеляли» кулаки (камень), «укрепляли» или «обостряли» зубы и ногти (рубила) и т. п. Животные, как показали современные исследования, могут не только пользоваться подобными орудиями в случае необходимости, но и заготавливать их впрок, что представлялось совершенно невозможным во времена Л.С. Выготского. Такая трактовка специфики орудий человека как «совершенствующих» функции руки — неважно, подразумевалось ли под этим только ее «удлинение» или же имелись в виду и другие, пусть даже общественно выработанные, способы ее «совершенствования», — оказалась несостоятельной, что заставило многих исследователей перестать искать специфику человеческой деятельности в орудиях труда.

К проблематике специфики человеческой деятельности обращался впоследствии и А.Н. Леонтьев [12]. Анализируя специфику орудийной трудовой деятельности, исследователь обращал внимание на два момента: во-первых, на то, что орудие является носителем первой настоящей абстракции, первого «сознательного и разумного обобщения». Во-вторых, на то, что «... орудие есть... общественный предмет, т. е. предмет, имеющий определенный способ употребления, который общественно выработан в процессе коллективного труда и который закреплен за ним» [12, с. 285]. Однако в отличие от своих предшественников А.Н. Леонтьев перенес акцент с анализа труда как процесса, опосредствованного орудием, на рассмотрение его общественного опосредования. Подчеркивая в людской деятельности первостепенную важность разделения функций (и тем самым выделение в ее структуре действий), исследователь любил приводить пример с охотой, где деятельность разделена между теми, кто вспугивает или загоняет добычу, и другими охотниками, которые поджидают ее в засаде, т. е. выполняют конечное действие. Однако этологи давно доказали, что такой способ охоты не может считаться специфичным для человека, поскольку аналогичное разделение функций нередко наблюдалось, например, в охоте волков или у шимпанзе, по описаниям Д. Лавик-Гудолл. Разделение функций не может служить критерием человеческой

деятельности. Оно широко распространено в животном мире, причем не только у волков или приматов, но и у иных видов, часто называемых «общественными»: у пчел, муравьев и т. п.

Таким образом, ни орудийное опосредование, как оно традиционно понималось, т. е. с помощью орудий, «совершенствующих» характеристики руки, ни коллективное опосредование, разделение функций в рамках единой деятельности, как оно понималось у А.Н. Леонтьева, не могут служить критериями истинно человеческой деятельности. Возможным выходом из этой ситуации может стать переосмысление понятия «орудия труда».

У наших ископаемых предков оба описанных выше способа опосредования деятельности — общественный (в рамках которого медиатором является представитель того же вида, а деятельность предполагает разделение функций) и предметный (в рамках которого опосредствующим звеном выступали орудия труда, «совершенствующие» разные характеристики руки или иных частей тела) — встретились и переплелись. Их сочетание стало необходимой предпосылкой для появления принципиально нового способа опосредования — *орудий труда, заменяющих одного из участников деятельности, выполняющих функции этого участника в ранее совместной деятельности* [14; 23]. В этом способе творчески синтезированы оба предшествующих способа, так как, являясь предметным по форме, он одновременно выступает заместителем общественного опосредования, замещая и тем самым вытесняя из деятельности отдельных участников за счет выполнения их функций.

Если вернуться к примеру А.Н. Леонтьева, то речь идет о появлении у наших ископаемых предков новых орудий охоты — орудий специфически человеческих, например, сетей или ловчих ям, перенимающих на себя функции участников конечной операции и заменяющих их в целостном процессе охоты. Возможно, именно поэтому авторы книги «Происхождение знакового поведения» вслед за Ю. Липсом называли охотничьи ловушки «первыми машинами» [19, с. 144]. Может быть, еще более наглядным будет пример всем известного «пугала», примитивного «заместителя» человека. Установленное на полях и огородах, оно вместо человека выполняет одну из необходимых операций, подчиненных конечной цели — получению хорошего урожая, функцию защиты урожая от птиц и животных, стремящихся им полакомиться. До сих пор в некоторых странах можно видеть, как эту функцию выполняют люди: например, подростки в Эфиопии, сидящие на редких деревьях в поле и с помощью длинных бичей отгоняющие всех желающих поживиться зерном или плодами. «Пугало» могло бы их заменить.

Иными словами, не орудия, увеличивающие возможности руки, и не другие участники деятельности, выполняющие одну из операций, а орудия, воспроизводящие функции этих Других, можно рассматривать в качестве новых, специфически человеческих медиаторов деятельности, потребовавших и качественно новых способов отражения действительности.

«Технические» и «психологические» орудия

В 1930 г. в Академии коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской Л.С. Выготский выступил с докладом об инструментальном методе в психологии [4]. В этом докладе обращает на себя внимание то, что в нем автор, говоря о проблеме овладения поведением, не употребляет термин «знак», пользуясь вместо него понятием «психологическое орудие». Так, уже первый тезис доклада гласит: «В поведении человека встречается целый ряд искусственных приспособлений, направленных на овладение собственными психическими процессами. Эти приспособления по аналогии с техникой могут быть... названы психологическими орудиями или инструментами» [4, с.103].

В тринадцатом тезисе этого же доклада Л.С. Выготский сравнивает технические и психологические орудия и формулирует как общие их черты, так и основные различия между ними: «Существеннейшее отличие психологического орудия от технического — направленность его действия на психику и поведение, в то время как техническое орудие, будучи тоже вдвинуто как средний член между деятельностью человека и внешним объектом, направлено на то, чтобы вызвать те или иные изменения в самом объекте; психологическое орудие ничего не меняет в объекте; оно есть средство воздействия на самого себя (или другого) — на психику, на поведение, а не средство воздействия на объект» [4, с. 106].

В работах этого периода Л.С. Выготский зачастую использует понятия «психологическое орудие» и «знак» как синонимы, однако со временем понятие «психологическое орудие» встречается в его трудах все реже и в одном из наиболее поздних его произведений — «Мышление и речь» (1934) — практически полностью уступает место понятию «знак». Можно предположить, что такая терминологическая замена должна была акцентировать отказ от аналогии технических и психологических орудий как опосредующих звеньев в пользу их противопоставления.

Замена понятия «психологическое орудие» на понятие «знак» сопровождалась также отказом Л.С. Выготского от употребления термина «опосредование» (очевидно, поскольку в нем указывалось на использование промежуточных «средств», что ассоциировалось, в первую очередь, с орудиями) в пользу термина «опосредование» (с акцентом в последнем случае на включение в действие именно знаков). На это неоднократно обращал внимание Н.Н. Нечаев [12], анализируя особенности терминологии Л.С. Выготского (употреблявшего преимущественно термин «опосредование») и А.Н. Леонтьева (предпочитавшего термин «опосредствование»). Указывая на то, что у А.Н. Леонтьева к этому времени не только орудия труда в привычном понимании этого слова, но и знаки трактовались как инструменты, Н.Н. Нечаев делал вывод о том, что «... линия А.Н. Леонтьева выразилась в развитии идей инструментальной психологии, от которых уже отказался Л.С. Выготский» [13, с. 27].

Можно ли сказать, что современные сторонники культурно-исторической психологии также вслед

за Л.С. Выготским отказались от использования понятий «опосредствование» и «психологическое орудие»? Отнюдь нет. Более того, оба эти понятия (особенно первое) остаются в центре внимания исследователей и широко употребляются в современной психологической литературе. Так, В.Б. Хозиев придает понятиям «средства» и «опосредствование» особо важную роль: «Оформление в психологии принципа развития привело к представлению о средстве как о потенциале движения и опосредствовании как об определяемой особым законом (логическим, предметным) смене средств» [18, с. 26]. Еще более показательной в этом плане является статья Б.Д. Эльконина «Посредническое действие и развитие» [21], где не только широко используются оба эти понятия («опосредствование» и «психологическое орудие»), но, более того, сам «акт опосредствования», называемый автором «посредническим действием», является в ней основным объектом анализа.

Вернемся, однако, к идее Л.С. Выготского о принципиальном отличии «технических» орудий и «психологических». Будет ли она верна с учетом иного понимания орудий труда, того понимания, о котором речь шла выше? Прежде чем начать обсуждение этого вопроса, обратимся к некоторым особенностям понимания Л.С. Выготским понятия «знак».

Особенности понимания Л.С. Выготским понятия «знак»

Акцент на роли знаков в овладении собственным поведением

Хорошо известно положение Л.С. Выготского, касающееся общей закономерности культурного развития ребенка: «Общая последовательность культурного развития ребенка такова: сначала другие люди действуют по отношению к ребенку, затем ребенок вступает во взаимодействие с окружающими, наконец, он начинает действовать на других и только в конце начинает действовать по отношению к себе» [5, с. 225].

Попытаемся соотнести эту и вышеприведенные цитаты из работ Л.С. Выготского, в которых сопоставляются орудия и знаки. В ранее приведенной цитате звучит следующая идея: орудие направлено на покорение природы, в то время как знак — на поведение. Исходя из этой логики противопоставления орудия и знака, можно предполагать, что на всех трех этапах культурного развития ребенка речь идет о применении знаковых средств, поскольку независимо от этапа рассматривается проблема управления своим или чужим поведением.

Контекст примеров, которые использовал Л.С. Выготский для иллюстрации своих положений, также позволяет утверждать, что он, рассуждая об орудийной деятельности, имел в виду исключительно субъект-объектную деятельность, «покорение природы», в то время как, говоря о знаках, рассматривал исключительно субъект-субъектную форму деятельности. Это указание на опосредствование

орудием субъект-предметных отношений, а знаком субъект-субъектных как главного их отличия стало общепринятым. Однако достаточным ли? Понятно, что палка в руках человека, пытающегося достать ею банан (т. е. направленная на предмет), будет орудием. Но если ту же палку человек будет использовать в драке с врагами, пытаясь изменить их поведение, обратить в бегство (т. е. в субъект-субъектных отношениях), можно ли будет в этом случае назвать ее знаком? Очевидно, нет. Возможно, знаком в последнем случае ее можно было бы считать в ситуации незавершенного действия, когда поднятая, но еще не опущенная на головы других палка имела бы особое значение — выступала бы в качестве сигнала для участников конфликта о намерениях того, кто ее поднял, о его твердой решимости нападать или защищаться. Более того, возможно также, что действия, предметно не опосредствованные, точнее опосредствованные только телесно (включающие, например, жесты и позы угрозы), могут рассматриваться как исторические предшественники впоследствии более развитых форм знакового поведения.

Отметим и то, что в центре внимания Л.С. Выготского, особенно в этот период, был конечный этап культурного развития ребенка — овладение собственным поведением, поэтому особенности знакового поведения на промежуточных этапах (воздействия взрослых на ребенка или ребенка на взрослых) анализировались им реже и в формулировках часто опускались. Поэтому и в первом тезисе упомянутого выше доклада речь идет исключительно об «овладении *собственными* психическими процессами», и тринадцатый тезис заканчивается исключительно указанием на «активность по отношению *к себе*», равно как и в заключении к другому поводу — «Орудие и знак в развитии ребенка» — автор говорит: «Человек создавал не только орудия труда, с помощью которых он подчинял своей власти силы природы, но и стимулы, побуждающие и регулирующие его *собственное* поведение, подчиняющие *собственные* силы своей власти» [7, с. 1122], — не упоминая о средствах управления поведением других людей.

Современные исследователи пытаются в своих исследованиях более равномерно уделять внимание всем намеченным Л.С. Выготским этапам овладения поведением. Довольно показательной в этом плане является работа С.Г. Касвинова [11], в которой автор стремился реконструировать систему взглядов Л.С. Выготского относительно процесса детского развития и его периодизации. Отталкиваясь от идеи Л.С. Выготского о развитии ребенка как о процессе овладения поведением, иными словами — формирования регуляции и саморегуляции, С.Г. Касвинов предлагает рассматривать стадии развития ребенка как этапы этого процесса, характеризующиеся специфичными для каждого этапа психологическими орудиями. В контексте интересующего нас аспекта проблемы автор выделяет три фазы направленности регуляции, соответствующие трем этапам Л.С. Выготского, называя их «протофаза» (когда ребенок является объектом регуляции со стороны взрослого), «аллофаза» (когда

ребенок является субъектом регуляции взрослого) и аутофаза (когда ребенок является субъектом саморегуляции) и детально их анализирует.

Социальная природа знаков

Обратимся теперь к представлениям Л.С. Выготского о природе знаков. Уже в докладе об инструментальном методе в психологии он формулирует положение о социальной их природе: «Психологические орудия — искусственные образования; по своей природе они суть социальные, а не органические или индивидуальные приспособления» [4, с. 103]. Эта же идея в разных вариациях звучит у Л.С. Выготского и позже: «Самый важный и основной из генетических законов, к которому приводит нас исследование высших психических функций, гласит, что всякая символическая деятельность ребенка была некогда социальной формой сотрудничества и сохраняет на всем пути развития до самых высших его точек социальный способ функционирования» [7, с. 1092].

Социальная природа любой знаково-символической деятельности на сегодняшний день ни у кого не вызывает сомнений, хотя разные исследователи вкладывают разный смысл в это понятие. Вместе с тем именно осознание важности роли социального взаимодействия стало предпосылкой появления представления об открытом посредническом действии Б.Д. Эльконина [20; 21], которое, по мнению автора, является связующим звеном между понятием «совокупное действие» и знаковым опосредствованием; гипотезы В.П. Зинченко и А.И. Мещерякова о совокупной деятельности как генетически исходной единице психического развития [10]; идеи В.В. Рубцова об обучении как процессе содействия и совместной деятельности [16], а также многих других гипотез и исследований, касающихся данной сферы.

Но какой смысл вкладывал сам Л.С. Выготский в понятие знака как социального по природе медиатора? Обратимся к тем примерам (для начала наиболее примитивных знаковых средств), которые неоднократно использовал сам исследователь в разных своих работах, иллюстрируя свое понимание знака. Возьмем пример, относящийся не к онтогенезу, а к употреблению знаков в ранней истории человечества: «На Борнео и Целебесе... найдены особые палки для копания, на верхнем конце которых приделаны маленькие палочки. Когда при сеянии риса палкой разрыхляют почву, маленькая палочка издает звук. Этот звук — нечто вроде трудового возгласа или команды, назначение которых — ритмическое регулирование работы. Звук снаряда, приделанного к палке для копания, заменяет человеческий голос или выполняет сходную с ним функцию» [7, с. 1122].

Итак, речь идет о наиболее примитивном варианте знака в представлении Л.С. Выготского. Этот знак имеет материальную форму — маленькая палочка, которая специально сделана или подобрана такой, чтобы она издавала звук при копании. (В традициях современных исследований действие с этим орудием уже надлежало бы назвать материализованным действием, учитывая то, что данное действие уже

предполагает использование хоть и примитивных, но знаково-символических компонентов [13, с. 27]). Функция маленькой палочки как компонента данного действия, которая собственно и делает ее знаком — замещение человека (в данном случае — его голосовых команд), вместо него ритмизируя и тем самым регулируя, оптимизируя процесс копания.

Обратимся теперь к онтогенезу и к более «продвинутому» — вербальному — варианту знакового опосредствования. Воспользуемся опять-таки примером из работ Л.С. Выготского — примером утреннего вставания с постели, который вслед за У. Джеймсом анализирует исследователь: «Типичным развернутым волевым актом... являются следующие три момента: 1) надо встать (мотив), 2) не хочется (мотив), 3) счет самому себе: раз, два, три (вспомогательный мотив) и 4) на “три” подъем... Это совершенно похоже на то, как мы говорим ребенку: “Ну, раз, два, три — выпей лекарство”... В примере с вставанием я поднялся из-за сигнала “три” (условный рефлекс), но я сам заранее через сигнал и связь с ним поднял себя, т. е. я овладел своим поведением через дополнительный стимул или вспомогательный мотив» [5, с. 279—280].

В данном примере Л.С. Выготский не употребляет ни термин «психологическое орудие», ни термин «знак». Более того, возможно, в этом его анализе недостаточно четко прописывается и путь формирования такого способа действий. Однако, с учетом вышеприведенного закона «культурного развития ребенка», за этим описанием явно подразумевается следующая последовательность возникновения у ребенка подобного поведения: вначале другие люди, взрослые демонстрируют в разных ситуациях возможность использования счета-команды для совершения какого-либо не очень желанного для ребенка действия (например, принятия лекарства), затем сам ребенок, вступая во взаимодействия со взрослыми (а, возможно, и не только со взрослыми, но и с другими детьми или даже с куклами в игровой ситуации), апробирует данное средство для управления другими и, наконец, на последнем этапе он начинает применять данное средство-знак по отношению к себе. Важно подчеркнуть, что данное психологическое орудие не изобретается ни ребенком, ни его родителями, во взаимодействии с которыми он смог его освоить. Команда «счет до трех» объективно существует в определенной культуре (не исключено, что в другой культуре имея другую форму) и передается из поколения к поколению.

В данном примере используемое культурное средство имеет уже не предметную форму, как маленькая палочка в предыдущем примере, а вербальную, однако функция остается прежней — замещение другого человека, точнее его функции регулятора в некогда более развернутом взаимодействии. Счет-команда по отношению к самому себе есть символическо-знаковое действие именно потому, что в его основе лежит опыт предшествующих ему социальных отношений, которые теперь объединены в одном человеке. Так, собственно, некогда интерпсихическая форма действия обретает интрапсихическую форму.

Рассмотрим еще один классический пример Л.С. Выготского с употреблением жребия как способа принятия решения в затруднительных ситуациях. Для Л.С. Выготского, анализирующего ситуацию со жребием, главным в этом примере, как и во всех предыдущих, является введение человеком в трудной для решения ситуации (ситуации конфликта равных по силе мотивов) дополнительного звена, специально стимула — жребия, который и помогает человеку «овладеть своим поведением», т. е. произвести выбор. Для онтогенеза, который интересовал исследователя в наибольшей степени, конечный вывод о смысле использования жребия звучит так: «В случаях выбора со жребием... ребенок овладевает своим поведением, направляет свое поведение через вспомогательные стимулы» [5, с. 278]. Сделав данное заключение, Л.С. Выготский на этом останавливается. Но в чем же тогда заключается социальная подоплека такого поведения? Ответа на этот вопрос автор в данной работе не дает.

Современные исследователи, анализируя данный пример, могут расставить акценты несколько иначе. Например, согласно Н. Вересову, обращение к жребию имеет смысл только в том случае, если перед человеком стоит задача выбора: «Любая знаковая операция обретает смысл как действие, направленное на решение какой-то задачи, на поиск выхода из имеющегося противоречия» [3, с. 21]. Значение и специфику подхода Л.С. Выготского исследователь видит не столько в замене традиционной схемы «стимул—реакция» на опосредованную «стимул—знак—реакция», сколько в указании на роль культурного знака в процессе решения жизненных проблемных задач в процессе культурного развития ребенка.

С этим трудно не согласиться, однако эта трактовка не проясняет социальную основу ситуации со жребием. Можно предположить, что человек прибегает к жребию, когда хочет передать решение кому-то другому. В жизни любого человека есть опыт детства (а часто и не только детства), когда решения за него принимаются взрослыми или просто более сильными, решительными, самостоятельными людьми. В сложных ситуациях этот опыт актуализируется и возникает желание переложить ответственность на кого-то другого, более мудрого, сильного, ответственного. Жребий — это знак-заместитель такого Другого, идеализированного Взрослого, Бога, любой Высшей силы, в которую человек верит, к которой в трудной ситуации обращается за помощью и чьему «решению» (которое и предназначен «продемонстрировать» жребий) с радостью подчиняется.

Возможно, о чем-то подобном размышлял в 1981 г. Д.Б. Эльконин, когда писал в своих дневниках: «Почему знак, в противоположность орудью, направлен «внутри» и, главное, организует поведение?... Почему люди бросают жребий, который организует решение?... Значение знака — в той функции другого человека, в которой он вводится в организацию поведения. Они могут быть различны (решающий, контролер, вообще помогающий, напоминающий о ком-то)... Все примеры, которые он [Л.С. Выготский] приводил в связи с проблемой организации поведения, истолко-

ваны и поняты им не совсем так! Жребий — призыв другого человека решить проблему... Основное значение знака — социальное, т. е. организация своего поведения через другого» [22, с. 514—515].

Исходная внешняя форма знаков и их свойство образовывать новые психологические системы

Из социальной природы знака, т. е. первоначально реального социального взаимодействия, вытекает и еще одно следствие, важное для понимания генезиса знаков — это их первоначально внешняя форма. Л.С. Выготский формулирует это вполне определенно: «Вначале знак представляет собой, как правило, внешний вспомогательный стимул, внешнее средство аутостимуляции... В развитии внутренних опосредованных операций фаза применения внешних знаков играет решающую роль. Ребенок переходит к внутренним знаковым процессам потому, что он прошел фазу, когда эти процессы были вовне» [7, с. 1109]. Видимо, именно поэтому Л. С. Выготский в качестве примеров простейших знаков и знакового поведения обращается к таким невербальным их формам, как рассмотренная уже палочка с Борнео, завязывание узелков на память, бросание жребия и т. п.

В работах более позднего периода исследователь указывает еще на одну важнейшую функцию знаков — их роль в образовании межфункциональных связей и, тем самым, новых психологических систем: «Знаки ... первоначально являются средствами связи, средствами воздействия на других. Всякий знак, если взять его реальное происхождение, есть средство связи, и мы могли бы сказать шире — средство связи известных психических функций социального характера. Перенесенный на себя, он является тем же средством соединения функций в самом себе...» [6, с. 116].

В контексте данной статьи интересен пример, который приводит Л.С. Выготский для иллюстрации данного положения — процесс формирования опосредованного произвольного внимания: «Ребенок овладевает вниманием других или, наоборот, начинает по отношению к себе применять те средства и формы поведения, которые являлись первоначально коллективными. Мать обращает внимание ребенка на что-нибудь; ребенок, следуя указаниям, обращает свое внимание на то, что она показывает; здесь мы всегда имеем две разведенные функции. Затем ребенок сам начинает обращать свое внимание, сам по отношению к себе выступает в роли матери, у него возникает сложная система функций, которые первоначально разделены» [6, с. 116]. Иными словами, можно было бы сказать, что в процессе развития внимания существенную роль играют внешние социально выработанные, в простейшем случае невербальные средства — тот же указательный жест. Они, подобно рассмотренной выше команде «счет до трех», помогают ребенку символически «заменить» взрослого, выступить по отношению к самому себе «в роли матери» и тем самым, формируя новую «психологическую систему» более высокого уровня, овладеть своим собственным поведением.

К сожалению, объем статьи не позволяет в этом кратком обзоре затронуть все особенности понимания Л.С. Выготским понятия «знак». В частности, не рассматривалась проблема связи знака и значения, свойство знака быть средством обобщения, роли знака в процессе смыслообразования и т. п. Но поскольку в данной статье нас интересовали в первую очередь наиболее древние и простейшие формы знаков, то акцентировалось внимание на их исходных функциях, прежде всего их роли в социальном взаимодействии. Ведь, согласно Л.С. Выготскому, «... первоначальная функция речи не в том, что слова имеют для ребенка значение, не в том, что при помощи слова создается соответствующая новая связь, а в том, что первоначально слово является указанием. Слово как указание — первичная функция в развитии речи, из которой можно вывести все остальные» [5, с. 225]. Близкие, хотя и не идентичные, идеи высказывались и другими исследователями, например, Б.Ф. Поршневым, который в своих работах отмечал следующее: «... у истоков второй сигнальной системы лежит не обмен информацией, т. е. не сообщение чего-либо от одного к другому, а особый род влияния одного индивида на действия другого — особое общение еще до прибавки к нему функции сообщения» [15, с. 426].

Орудие и знак: сравнительный анализ

Вернемся теперь к поставленному выше вопросу о соотношении орудий, в переосмысленном их понимании, и знаков. Семнадцатый тезис доклада Л.С. Выготского об инструментальном методе гласит: «Инструментальный метод по самому существу метод историко-генетический. В исследовании поведения он вносит историческую точку зрения: поведение может быть понято только как история поведения... Главными областями исследования, где может быть с успехом применен инструментальный метод, являются: а) область социально-исторической и этнической психологии, изучающей историческое развитие поведения, отдельные его ступени и формы; б) область исследования высших, исторически сложившихся психических функций...; в) детская и педагогическая психология» [4, с. 107].

Сам Л.С. Выготский, очевидно, стремился поддерживать баланс между указанными областями исследований, примером чего, в том числе, может служить написанная им совместно с А.Р. Лурией книга «Этюды по истории поведения: Обезьяна. Прimitив. Ребенок» [8]. Однако понятно, что первой области — исторической и этнической психологии он уделял сравнительно меньше внимания. К сожалению, ситуация не изменилась и впоследствии: его последователи занимались и продолжают заниматься преимущественно онтогенетическим развитием и основные достижения культурно-исторической психологии можно видеть именно в этой области.

Вместе с тем такая ситуация неизбежно накладывает определенные ограничения на изучение генезиса психической деятельности в целом и генезиса

психологических орудий — в частности. Так, если вернуться к понятию «замещение», то современные исследователи часто используют его как синоним знаково-символической деятельности, в более узком значении — как перенесение функций объекта на знак [2; 16]. Обычно это ассоциируется в первую очередь с предметами, животными («пусть эта палочка будет «лопаткой», «лошадкой» и т. п.). Однако можно предполагать, что в истории вариант подобного знакового замещения — это более позднее приобретение человечества. Первыми психологическими орудиями, знаками были простейшие материальные приспособления, берущие на себя функции человека, регулирующие совместную деятельность и тем самым вытесняющие его из этой деятельности, делающие не нужным его присутствие и участие. Пример Л.С. Выготского с маленькой палочкой с острова Борнео как пример знакового опосредствования хорошо согласуется с таким пониманием и хорошо иллюстрирует его.

Пока трудно сказать, когда именно — до того, как появились подобные знаки, т. е. психологические орудия, непосредственно воздействующие на поведение людей (как описанная выше маленькая палочка, регулирующая процесс копания), после того или одновременно, — но в истории появились и обычные, «технические», по Л.С. Выготскому, орудия труда, замещающие человека в определенной операции совместной деятельности и тем самым перестраивающие целостную систему деятельности в целом. Выше уже приводились примеры подобных орудий в виде ловчих ям или пугала.

Если обратиться к онтогенезу, то здесь также обращает на себя внимание то, что ребенок с первых дней жизни окружен как раз подобными «орудиями», которые дают возможность «заменить» мать, освободить ее для иной деятельности. Речь идет о пеленках, заменяющих тепло материнских объятий; о колыбели, с помощью которой кто угодно может вместо матери укачивать малыша; о сосках-пустышках — имитаторах материнской груди; о бутылочках с коровьим молоком, насыщающих ребенка в отсутствие матери; о куклах, наиболее наглядно заменяющих не только мать, но вообще любых Других, и о многих других подобных «орудиях», которые как раз и составляют специфически человеческую среду развития ребенка.

Сравним описанные и им подобные действительно человеческие «технические» орудия и психологические орудия, знаки, конечно, в их наиболее примитивной невербальной форме. Их роднит то, что и те и другие опосредуют деятельность; и те и другие выполняют функцию замещения одного из участников деятельности; и те и другие в их исходном варианте имеют внешнюю невербальную форму; появление и тех и других опосредующих звеньев существенно перестраивает, качественно реорганизует предшествующую структуру деятельности, фактически создавая новую систему. Вместе с тем психологические орудия отличаются от орудий труда прежде всего тем, что выполняют функцию замещения другого человека не в любых операциях, а исключительно в операциях регу-

ляции социального взаимодействия. Последнее и дает возможность, с одной стороны, считать их первичными знаками, действительно имеющими социальную природу, а с другой — видеть в них потенциальный механизм для овладения собственным поведением.

С течением времени система орудий труда и система знаков все более расходятся, двигаясь каждая

своим путем исторического развития, и сейчас сложно, даже в воображении, представить себе какую бы то ни было их общность. Но нет сомнения, что следующие исследования, не только в онтогенетическом, а и в этно-историческом контексте, будут полезными не только для лучшего понимания каждой из них, но и их соотношения.

Литература

1. Беспалов Б.И. Развитие представлений П.Я. Гальперина о средствах, орудиях и орудийных операциях человека и животного // Культурно-историческая психология. 2012. № 4. С. 55–66.
2. Будакова Т.П. Знаково-символическая деятельность и ее генез: учеб. пособие. Елец: Изд-во ЕГУ имени И.А. Бунина, 2005. 48 с.
3. Вересов Н. Культурно-историческая психология Л.С. Выготского: трудная работа понимания. Заметки читателя [Электронный ресурс]. URL: <http://nveresov.narod.ru/NLO.pdf> (дата обращения: 15.05.19).
4. Выготский Л.С. Инструментальный метод в психологии // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 103–108.
5. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. С. 5–328.
6. Выготский Л.С. О психологических системах // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 109–131.
7. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // Л.С. Выготский. Психология развития человека. М.: Смысл, 2005. С. 1039–1132.
8. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 224 с.
9. Гальперин П.Я. Психологическое различие орудий человека и вспомогательных средств у животных и его значение // Психология как объективная наука / Под ред. А.И. Подольского. М.: Изд-во «Институт практической психологии», 1998. С. 37–93.
10. Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г. Совокупная деятельность как генетически исходная единица психического развития // Психологическая наука и образование. 2000. № 2. С. 86–95.
11. Касвинов С.Г. Система Выготского. Харьков: Райдер, 2013. 460 с.
12. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1981. 584 с.
13. Нечаев Н.Н. Роль теории поэтапного формирования в развитии методологии деятельностного подхода // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 2012. № 4. С. 23–42.
14. Павленко В.Н. Деятельностный подход к проблеме нормального психического развития // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 94–100.
15. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб.: Алетея, 2007. 720 с.
16. Рубцов В.В. Социально-генетическая психология развивающегося образования: деятельностный подход. М.: Изд-во МГППУ, 2008. 416 с.

References

1. Bepalov B.I. Razvitie predstavlenii P.Ya. Gal'perna o sredstvakh, orudiyakh i orudiinykh operatsiyakh cheloveka i zhivotnogo [The development of representations of P.Ya. Galperin about the means, tools and tool's operations of humans and animals]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2012, no. 4, pp. 55–66. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Budyakova T.P. Znakovo-simvolicheskaya deyatel'nost' i ee genez: uchebnoe posobie [Sign-symbolic activity and its genesis: schoolbook]. Elets: Publ. EGU im. I.A. Bunina, 2005. 48 p.
3. Veresov N. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya L.S. Vygotskogo: trudnaya rabota ponimaniya. Zаметki chitatelya [Cultural-historical psychology of L.S. Vygotsky: difficult work of understanding. Reader notes]. [Elektronnyi resurs]. Available at: <http://nveresov.narod.ru/NLO.pdf>
4. Vygotskii L.S. Instrumental'nyi metod v psikhologii [Instrumental method in psychology]. In Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T.1. Voprosy teorii i istorii psikhologii* [Collected Works: in 6 vol. Vol.1. Questions of the theory and history of psychology]. Moscow: Pedagogika, 1982, pp. 103–108.
5. Vygotskii L.S. Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsii [The history of the development of higher mental functions]. In Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T.3. Problemy razvitiya psikhiki* [Collected Works: in 6 vol. Vol.3. Problems of development of the mind]. Moscow: Pedagogika, 1983, pp. 5–328.
6. Vygotskii L.S. O psikhologicheskikh sistemah [About psychological systems]. In Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T.1. Voprosy teorii i istorii psikhologii* [Collected Works: in 6 vol. Vol.1. Questions of the theory and history of psychology]. Moscow: Pedagogika, 1982, pp. 109–131.
7. Vygotskii L.S. Orudie i znak v razvitii rebenka [Tool and sign in child development]. In Vygotskii L.S. *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Psychology of human development]. Moscow: Publ. Smysl, 2005, pp. 1039–1132.
8. Vygotskii L.S., Luriya A.R. Etyudy po istorii povedeniya: Obez'yana. Primitiv. Rebenok [Studies on the history of behavior: Monkey. Primitive. Child]. Moscow: Pedagogika-Press, 1993. 224 p.
9. Gal'perin P.Ya. Psikhologicheskoe razlichie orudii cheloveka i vspomogatel'nykh sredstv u zhivotnykh i ego znachenie [Psychological difference between man's tools and means in animals and its significance]. In Podolskii A.I. (ed.), *Psikhologiya kak ob'ektivnaya nauka* [Psychology like objective science]. Moscow: Publ. «Institut prakticheskoi psikhologii», 1998, pp. 37–93.
10. Zinchenko V.P., Meshcheryakov B.G. Sovokupnaya deyatel'nost' kak geneticheski iskhodnaya edinitsa psikhicheskogo razvitiya [Cumulative activity as a genetically basic unit of mental development]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2000, no. 2, pp. 86–95. (In Russ.).

17. Салмина Н.Г. Знак и символ в обучении. М.: Изд-во МГУ, 1988. 288 с.
18. Хозиев В.Б. Опосредствование в теории и практике культурно-исторической концепции // Культурно-историческая психология. 2005. № 1. С. 25–36.
19. Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Происхождение знакового поведения. М.: Научный мир, 2004. 280 с.
20. Эльконин Б.Д. Л.С. Выготский — Д.Б. Эльконин: знаковое опосредствование и совокупное действие // Вопросы психологии. 1996. № 5. С. 57–63.
21. Эльконин Б.Д. Посредническое Действие и Развитие // Культурно-историческая психология. 2016. № 3. С. 93–112. doi:10.17759/chp.2016120306
22. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.
23. Pavlenko V.N. Prospects for Using the Theory of Activity in Ethnopsychology // Journal of Russian and East European Psychology. 1994. № 2. P. 75–84.
11. Kasvinov S.G. Sistema Vygotskogo [Vygotsky system]. Khar'kov: Raider, 2013. 460 p.
12. Leont'ev A.N. Problemy razvitiya psikhiki [Problems of the development of the psyche]. Moscow: Publ. MGU, 1981. 584 p.
13. Nechaev N.N. Rol' teorii poetapnogo formirovaniya v razvitii metodologii deyatel'nostnogo podkhoda [The role of the theory of step by step formation in the development of the methodology of the activity approach]. *Vestnik MGU. Seriya 14. Psikhologiya. [MSU Bulletin. Part 14. Psychology]*, 2012, no. 4, pp. 23–42. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Pavlenko V.N. Deyatel'nostnyi podkhod k probleme normal'nogo psikhicheskogo razvitiya [Activity approach to the problem of normal mental development]. *Voprosy psikhologii [Psychology questions]*, 1993, no. 3, pp. 94–100. (In Russ.).
15. Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoi istorii (problemy paleopsikhologii) [About the beginning of human history (problems of paleopsychology)]. Saint-Petersburg: Aleteya, 2007. 720 p.
16. Rubtsov V.V. Sotsial'no-geneticheskaya psikhologiya razvivayushchego obrazovaniya: deyatel'nostnyi podkhod [Socio-genetic psychology of developmental education: an activity approach]. Moscow: Publ. MGPPU, 2008. 416 p.
17. Salmina N.G. Znak i simvol v obuchenii [Sign and symbol in training]. Moscow: Publ. MGU, 1988. 288 p.
18. Khoziev V.B. Oposredstvovanie v teorii i praktike kul'turno-istoricheskoi kontseptsii [Mediation in the theory and practice of cultural-historical conception]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology]*, 2005, no. 1, pp. 25–36. (In Russ., abstr. in Engl.).
19. Sher Ya.A., Vishnyatskii L.B., Blednova N.S. Proiskhozhdenie znakovogo povedeniya [The origin of sign behavior]. Moscow: Nauchnyi mir, 2004. 280 p.
20. El'konin B.D. L.S. Vygotskii — D.B. El'konin: znakovoe oposredstvovanie i sovokupnoe deistvie [L.S. Vygotsky — D.B. Elkonin: sign mediation and cumulative action]. *Voprosy psikhologii [Psychology questions]*, 1996, no. 5, pp. 57–63. (In Russ.).
21. El'konin B.D. Posrednicheskoe Deistvie i Razvitie [Intermediary Action and Development]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology]*, 2016, no. 3, pp. 93–112. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/chp.2016120306
22. El'konin D.B. Izbrannye psikhologicheskie trudy [Selected psychological works]. Moscow: Pedagogika, 1989. 560 p.
23. Pavlenko V.N. Prospects for Using the Theory of Activity in Ethnopsychology. *Journal of Russian and East European Psychology*, 1994, no. 2, pp. 75–84.

Информация об авторах

Павленко Валентина Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина (ХНУ имени В.Н. Каразина), г. Харьков, Украина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4947-3995>, e-mail: vnp49@ukr.net

Information about the authors

Pavlenko Valentina Nikolaevna, PhD in Psychology, Associate Professor, V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4947-3995>, e-mail: vnp49@ukr.net

Получена 02.04.2019

Принята в печать 03.03.2020

Received 02.04.2019

Accepted 03.03.2020